

Комлева Елена Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Оренбургского государственного
педагогического университета
тел.: (3532) 21-70-21

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«РЕЧЕВОЙ ЖАНР» И «РЕЧЕВОЙ АКТ»
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ
АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ)**

Аннотация:

В статье рассматриваются основные аспекты изучения речевых жанров в отечественной лингвистике. Освещаются дискуссионные вопросы классификации жанров, связанные с жанровой первичностью и вторичностью, диалогической открытостью, выявлением основной иллокутивной цели. На этой основе исследуется соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт», выявляются их принципиальные различия.

Ключевые слова:

речевой жанр, тип текста, текстовая форма, класс текстов, диалог, функция, иллокутивная цель, речевой акт, типы аппеллятивных текстов.

Komleva Elena Valerievna

Candidate of Philology,
associate professor of the chair of
foreign languages,
Orenburg State Pedagogical University
tel.: (3532) 21-70-21

**CORRELATION OF CONCEPTS
“SPEECH GENRE” AND “SPEECH ACT”
(ON MATERIALS OF GERMAN
APPELLATIVE TEXTS)**

The summary:

The basic aspects of studying of speech genres in native linguistics are considered in the article. The discussion questions of classification of genres connected with their primary and secondary character, dialogic predisposition, revealing the illocutive goal are taken up. On this basis the correlation of the concepts “speech genre” and “speech act” is investigated, their basic distinctions are revealed.

Keywords:

speech genre, text type, text form, text class, dialogue, function, illocutive goal, speech act, types of appellative texts.

Интерес к изучению речевого жанра обусловлен в первую очередь тем, что данное понятие является одним из ключевых структурных элементов современной антропологической лингвистики. В данной статье мы обратимся к некоторым проблемам теории речевых жанров, требующих дополнительного осмысления в рамках нашего исследования немецких текстов, объединенных доминирующей аппеллятивной функцией – функцией побуждения к действию, направленного на различные типы адресатов.

Как известно, впервые проблему жанров речи поставил крупнейший философ-филолог XX в. М.М. Бахтин [1, 2]. Речевой жанр М.М. Бахтин считал категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой. Жанры речи он называл «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [3, с. 165]. Отмечая крайнюю разнородность речевых жанров, М.М. Бахтин указывал, что «...к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога... и бытовой рассказ и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов... и разнообразный мир публицистических выступлений; ...но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [4, с. 159–160]. В данной работе мы выводим за пределы рассмотрения жанры художественной речи. Данные жанры плодотворно изучаются в рамках теории литературы. Объектом нашего анализа являются некоторые речевые жанры, которые входят в обширный континуум повседневного общения людей. Приведенная выше цитата с неизбежностью влечет за собой вопрос о критериях разграничения, построения классификации речевых жанров. Дискуссионным остается и дефиниция самого понятия «речевой жанр». Даже в пределах одного тематического сборника «Жанры речи» оказались представлены существенно различающиеся концепции жанра [5]. На это справедливо указывает В.Е. Гольдин в предисловии ко второму выпуску сборника: «Понятие жанр речи “втиснуто”... между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [6, с. 5]. Следуя духу концепции жанров М.М. Бахтина, К.Ф. Седов предлагает определить речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей [7, с. 8]. Данное определение принимается в качестве основного для нашего исследования.

Речевое поведение традиционно разделяется по следующим параметрам: письменное / устное, официальное / неофициальное, публичное / непубличное. М.М. Бахтин предлагал деле-

ние всего корпуса жанров речи на первичные и вторичные [8, с. 106–107]. Первичные жанры можно отнести к нижнему, бытовому слою общего континуума повседневной коммуникации, к «житейской идеологии». Такого типа жанрами следует считать болтовню, ссору и др. Жанры вторичные – это как бы верхний уровень речевого пространства. Они тяготеют к публичным и официальным видам коммуникации [9, с. 19]. Вторичные (сложные) речевые жанры возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения, преимущественно письменного. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения.

Первичные и вторичные жанры в системе координат классификации жанровых форм намечают ее нижний и верхний полюса. По мнению отечественного культуролога семиотика Ю.М. Лотмана, «в каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением: 1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное; 2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения...» [10, с. 249].

По тяготению к верхнему или нижнему полюсу весь жанровый континуум повседневной коммуникации К.Ф. Седов предлагает разделить на риторические жанры и жанры нериторические [11, с. 20]. Риторические жанры – это способы оформления публичного, «внепрактического» социально значимого взаимодействия людей. Нериторические жанры обслуживают типические ситуации неофициального, непубличного, бытового по преимуществу поведения, которые имеют характер естественного, бессознательного (помимовольного) взаимодействия членов социума [12, с. 20]. Соотношение риторических и нериторических жанров в общих чертах соответствует тому, что М.М. Бахтин называл вторичными и первичными жанрами. При этом в ряде случаев один и тот же жанр, в зависимости от степени осознанности (риторичности) речевого поведения, может выступать в качестве риторического и нериторического. В сущности, речь идет о речевых жанрах, противопоставленных по признаку подготовленности / неподготовленности, очевидно, можно говорить и о промежуточных случаях. Так, в бытовом общении просьба может быть реализована одним речевым актом, жанр просьбы в деловой сфере приобретает, напротив, формы утонченной риторичности. М.М. Бахтин в связи с этим замечал, что «речевые жанры... довольно легко поддаются переакцентуализации...» [13, с. 192]. Риторический жанр требует определенных усилий и умений от адресанта, поскольку отбор и употребление тех или иных языковых средств имеет целью получение определенного эффекта и во многом зависит от удачного выражения интенции. Адресат не только распознает риторический жанр, но и оценивает умение адресанта. Однако между понятиями риторический и вторичный жанры нельзя провести знак равенства. Жанр может относиться к области вторичных, но не быть риторическим. Примером такой жанровой формы является жанр рекомендации при косвенном побуждении к действию. Данный жанр не относится к публичной форме коммуникации, но отражает при этом определенную подготовленность в построении интеракции, что проявляется в сознательном отборе языковых средств, спланированности, часто сопровождающих данный жанр речевых стратегий и тактик.

Намеченная универсальность понятия речевого жанра для различных сфер общения, выдвигает задачу разграничения речевых жанров, разных по объему. Попытки подобной дифференциации встречаются в работах современных лингвистов. Так, М.Ю. Федосюк предлагает различать «элементарные» и «комплексные» жанры [14, с. 104]. Речевой жанр, как вербальное оформление взаимодействия партнеров по коммуникации, обычно представляет собой достаточно длительную интеракцию, порождающую диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу таких жанров можно отнести жанры просьбы, приказа, проповеди, совета, рекомендации. Для обозначения жанровых форм, представляющих одноактные высказывания, используется термин субжанр [15, с. 14]. Субжанры – это минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту [16, с. 14].

Отечественные ученые во многом опираются на разработанную методологию теории речевых актов при классификации речевых жанров и выбирают интенцию адресанта в качестве отправного пункта для своих исследований. Преимущественное внимание жанроведения к целям и интенциям, для чего совершенно логичным было использование терминологии речевых актов, привело к сближению теории речевых жанров и теории речевых актов. Многие лингвисты считают теорию речевых актов западным аналогом теории речевых жанров [17, с. 108; 18, с. 105–108; 19, с. 92; 20, с. 74–77]. С таким утверждением мы можем согласиться лишь отчасти. Речевой акт рассматривается в прагматике как интенциональное, целеустремленное, конвенциональное действие отправителя информации, который является одним из составляющих коммуникативного акта, наряду с коммуникативным действием, приемником информации и

коммуникативной ситуацией [21, с. 172]. Традиционно выделяют пять главных типов речевых актов: 1) репрезентативы, целью которых является суждение об определенном состоянии вещей; 2) директивы – создание давления на адресата, склонение его к определенным действиям; 3) комиссивы – формулирование обязательств перед адресатом; 4) экспрессивы – демонстрация психологического состояния адресата; 5) декларативы – влияние на социальные отношения людей [22, с.180]. Классификация речевых актов представляет собой, в первую очередь, таксономию речевых действий. При исследовании речевого жанра с позиции иллокутивной цели, а значит, с позиции адресанта, из изучения был исключен собственно диалогический, коммуникативный аспект. Хотя следует отметить некоторые классификации речевых актов, где намечаются таксономии единиц не действия, а взаимодействия, то есть рассматриваются последовательности «стимул – реакция» [23, 24, 25].

Одной из часто цитируемых работ, где за основу классификации речевых жанров принимается коммуникативная цель, является работа Т.В. Шмелевой [26]. В данном исследовании выделяется четыре типа речевых жанров: информативные, цель которых – различные операции с информацией (ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); императивные, вызывающие осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения; этикетные – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума (извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и т.д., вплоть до отречения от престола); оценочные, имеющие целью изменение самочувствия участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [27, с. 81–90].

Краткий обзор теоретического материала показывает, что директивные речевые акты Дж. Серля [28, с. 180] и императивные жанры Т.В. Шмелевой [29, с. 82] обнаруживают общую составляющую – иллокутивную функцию побуждения к действию, однако, это обстоятельство не дает повода для полного отождествления речевых актов и речевых жанров. В центре внимания теории речевых актов заложена грамматика языка (предложения), теория речевых жанров должна базироваться на речевой коммуникации. Речевой акт по своей сути монологичен. Речевой жанр диалогичен, социологичен, интерактивен, что позволяет нам, принимая классификацию речевых жанров Т.В. Шмелевой, внести существенные дополнения, касающиеся интересующих нас, императивных жанров. Принимая во внимание описанные выше различия первичных и вторичных речевых жанров, критерий «первичности» и «вторичности» следует учитывать и при классификации императивных жанров. К первичным жанрам мы относим просьбы, приказы, рекомендации, советы, запреты. Известная способность первичных речевых жанров к переакцентуализации, ведущей к образованию вторичных жанров, вызывает необходимость классификации вторичных императивных речевых жанров. В рамках рассматриваемой концепции, где жанр предстает как типизированная модель речевого взаимодействия коммуникативных партнеров, а значит как модель диалога, следующим критерием для классификации должен стать критерий диалогической открытости жанров. Для дальнейших рассуждений необходимо упомянуть о наличии речевых функций побуждения к действию – апеллятивной и регулятивной, обладание которыми позволяет языковым средствам реализовывать побуждение. Апеллятивная функция определяется как «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» [30, с. 9], регулятивная функция – это функция управления поведением коммуникантов [31, с. 55]. Управление поведением часто осуществляется через побуждение к определенным действиям. Сопоставляя два схожих определения данных функций, нельзя не отметить существенное отличие способов реализации побуждения, что заключается в монологическом и диалогическом характере перлокуции, требующей от адресата, помимо осуществления действия, вербальной ответной реакции. Критерий диалогичности позволяет выделить потенциально диалогичные и монологичные побудительные жанры, обозначив их, соответственно, как апеллятивные и регулятивные. К регулятивным жанрам, таким образом, относятся рецепты, инструкции, тексты законов, уставов, к апеллятивным – листовки, плакаты, агитационные выступления, приказы, распоряжения, проповеди, деловые письма (различные письма-просьбы, рекламации), заявления о приеме на работу. Наличие диалогичности, как одного из основных критериев при классификации речевых жанров переводит ракурс исследования с воздействия адресата на адресата, как в случае с речевым актом, на уровень их взаимодействия в процессе речевого общения. Классификация речевых актов в связи с этим представляет собой таксономию речевых действий, изолированных от реальной коммуникации. Речевой жанр соотносится с ситуацией, событием, текстом, имеет количественно и качественно более сложную природу, даже если представляет собой субжанр, объем которого равен одноактному высказыванию, как, например, в различных вывесках „Bitte nicht betreten!“, „Nicht parken!“ . Появление подобных текстов первичных жанров обусловлено особенностями коммуникативной ситуации, состоящей как

из лингвистических, так и различных экстралингвистических факторов. Структура вторичных речевых жанров достаточно сложна и включает в себя совокупность речевых актов. Речевой акт может рассматриваться как структурный элемент речевого жанра [32, 33, 34, 35]. Вторичный речевой жанр и речевой акт соединяют, таким образом, отношения инклюзивности. Оговоримся, мы не имеем в виду, что все пространство вторичного жанра покрывается первичными высказываниями. Первичные речевые жанры являются, очевидно, «каркасным» связующим средством для построения вторичных речевых жанров. В определенном типе апеллятивных текстов, например, в военных приказах, дипломатических нотах, деловых письмах, безусловно, есть высказывания, выступающие в качестве первичных, устойчивых. Известно, что некоторые типы речи не обходятся без стереотипов, последние составляют важную особенность апеллятивных типов текстов вторичных жанров, что вызвано повторяемостью коммуникативных ситуаций, принципов восприятия, понимания речи и т.д.

Попытки взаимной интеграции теории речевых жанров и теории речевых актов в качестве новой концепции, которая обладала бы более высоким объяснительным потенциалом, чем каждая из них в отдельности, столкнулись с большими трудностями. Становится понятным, что использование только формальных моделей, в частности, монологически-логико-грамматической методологии теории речевых актов при изучении речевых жанров, иллюкативной цели как главного критерия для их классификации, оказывается недостаточным, поскольку один и тот же речевой акт может быть структурным элементом нескольких речевых жанров, и, наоборот, в одном речевом жанре встречаются разные речевые акты.

От речевого акта, как единицы действия и воздействия, а не взаимодействия, не пролегает прямой переход к дискурсу, который включает коммуникативные стратегии и тактики участников общения, экстралингвистические факторы, обуславливающие его особенности. Для адекватного понимания природы и организации дискурса необходима еще одна категория, с помощью которой учитываются не только самые общие интенции участников общения, но и другие составляющие их коммуникативной деятельности. Такой категорией является речевой жанр.

Ссылки:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. М., 1996.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. М., 2007. С. 32–56.
3. Бахтин М.М. 1996. Указ. соч.
4. Там же.
5. Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
6. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 4–8.
7. Седов К.Ф. Антология речевых жанров. М., 2007. С. 7–39.
8. Бахтин М.М. 1996. Указ. соч.
9. Седов К.Ф. Указ. соч.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. 1992.
11. Седов К.Ф. Указ. соч.
12. Там же.
13. Бахтин М.М. 1996. Указ. соч.
14. Федорсюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 49–57.
15. Седов К.Ф. Указ. соч.
16. Там же.
17. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып.1. С. 23–38.
18. Федосюк М.Ю. Указ. соч.
19. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров. М., 1997. С. 81–90.
20. Dönningshaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlicher Interaktion) // Beiträge der Europäischen Linguistik. München. 2001. S. 45–62.
21. Серль Дж. Классификация иллюкативных актов // НЗЛ. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.
22. Там же.
23. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). М., 1988.
24. Богусевич Д.Г. Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 40–56.

References (transliterated):

1. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov. M., 1996.
2. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov // Sotsial'naya psiholingvistika: Hrestomatiya. M., 2007. P. 32–56.
3. Bahtin M.M. 1996. Op. cit.
4. Ibid.
5. Zhanry rechi. Saratov, 1999. Issue 2.
6. Gol'din V.E. Problemy zhanrovedeniya // Zhanry rechi. Saratov, 1999. Issue 2. P. 4–8.
7. Sedov K.F. Antologiya rechevyh zhanrov. M., 2007. P. 7–39.
8. Bahtin M.M. 1996. Op. cit.
9. Sedov K.F. Op. cit.
10. Lotman Y.M. Kul'tura i vzryv. M. 1992.
11. Sedov K.F. Op. cit.
12. Ibid.
13. Bahtin M.M. 1996. Op. cit.
14. Fedorsyuk M.Y. Nereshennye voprosy rechevyh zhanrov // Voprosy yazykoznaneya. 1997. No. 5. С. 49–57.
15. Sedov K.F. Op. cit.
16. Ibid.
17. Vezhbitskaya A. Rechevye zhanry // Zhanry rechi. Saratov, 1997. Issue 1. P. 23–38.
18. Fedosyuk M.Y. Op. cit.
19. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra // Antologiya rechevyh zhanrov. M., 1997. P. 81–90.
20. Dönningshaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlicher Interaktion) // Beiträge der Europäischen Linguistik. München. 2001. P. 45–62.
21. Serl' Dzh. Klassifikatsiya illokutivnyh aktov // NZL. M., 1986. Issue 17. P. 170–194.
22. Ibid.
23. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy (Otsenka, sobyitie, fakt). M., 1988.
24. Bogushevich D.G. Opyt klassifikatsii epizodov verbal'nogo obshcheniya // Yazykovoe obshchenie: protsessy i edinitsy. Kalinin, 1988. P. 40–56.

25. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. Киев, 1989.
26. Шмелева Т.В. Указ. соч.
27. Там же.
28. Серль Дж. Указ. соч.
29. Шмелева Т.В. Указ. соч.
30. Маслов Ю.М. Введение в языкознание. М., 1998.
31. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
32. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 15–23.
33. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
34. Шмелева Т.В. Указ. соч.
35. Вежицкая А. Указ соч.
25. Karaban V.I. Slozhnye rechevye edinitsy. Pragmatika angliyskih asindeticheskikh polipredikativnyh obrazovaniy. Kiev, 1989.
26. Shmeleva T.V. Op. cit.
27. Ibid.
28. Serl' Dzh. Op. cit.
29. Shmeleva T.V. Op. cit.
30. Maslov Y.M. Vvedenie v yazykoznanie. M., 1998.
31. Avrorin V.A. Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka. L., 1975.
32. Kozhina M.N. Rechevoy zhanr i rechevoy akt (nekotorye aspekty problemy) // Zhanry rechi. Saratov, 1999. Issue 2. P. 15–23.
33. Dement'ev V.V. Nepryamaya kommunikatsiya. M., 2006.
34. Shmeleva T.V. Op. cit.
35. Vezhitskaya A. Op. cit.